

Александр Богданов

На гранях жизни

Александр Алексеевич Богданов

На гранях жизни

Текст предоставлен правообладателем

На гранях жизни: 1913

Аннотация

«...Были – юность, задор, бесшабашная отвага, ненасытная жажда смелых и сильных впечатлений. На каникулы Грацианов уезжал к отцу, заштатному дьячку, в деревню Порзовку, где в рабочее время помогал своим в хозяйстве, а свободные дни бродил по лесам, или хороводился до зари с деревенскими девками. Зимой – на Рождество и масленицу – охотился за волками, с топором за поясом и дрянным ружьишком, и один раз на удивление всей Порзовки приволок домой из лесного оврага живого волчонка, спасшись каким-то чудом от разъярённой волчицы...»

Александр Алексеевич Богданов

На гранях жизни

Работа на фельдшерском пункте была тяжелая и хлопотливая, но Грацианов легко справлялся с ней...

– Моей силушки на десятерых хватит!.. – хвастался он и заголял до локтя, показывая всем, сильную и мускулистую, с фиолетовыми крупными жилами, руку. – Мой дед прожил до ста лет, отец – до ста десяти, а вот я постараюсь – авось, до полутора с двумя десятками дотяну.

Еще будучи в фельдшерской школе, он без усилий ломал – как прутик – конные подковки и один выходил в боях против целой артели слободских парней. Выпивал на спор четверть водки, съедая невероятное количество булок. Выиграв пари, он победоносно заламывал набекрень фуражку, расправлял могучие плечи и пускался в лихой пляс. Звонко топал по полу широкими, на кованых каблучках, сапогами и пел зычным, раскатистым баритоном:

И пить будем, и гулять будем...

А смерть придет, помирать будем!..

Словно нарочно, напоказ перед всеми, хотел бросить вызов смерти и с залихватской беззаботностью повторял:

А смерть придет, помирать будем!..

Были – юность, задор, бесшабашная отвага, ненасытная жажда смелых и сильных впечатлений. На каникулы Грацианов уезжал к отцу, заштатному дьячку, в деревню Порзовку, где в рабочее время помогал своим в хозяйстве, а свободные дни бродил по лесам, или хороводился до зари с деревенскими девками. Зимой – на Рождество и масленицу – охотился за волками, с топором за поясом и дрянным ружьишком, и один раз на удивление всей Порзовки приволок домой из лесного оврага живого волчонка, спасшись каким-то чудом от разъярённой волчицы.

Потом вдруг все куда-то пропало... Он женился, поступил на службу, и потекли трудовые, серые, незаметные дни: сегодня – как вчера, и завтра – как сегодня. Порошки, мази, сигнатурки, карточки, одно и то же и в будни и в праздник, за исключением Рождества и Пасхи. Вспоминалась вольная прошлая жизнь, и душа по-прежнему искала чего-нибудь яркого и неизведанного.

В такие минуты Грацианов говорил:

– Н-да – купоросовое житье!..

Мощные потоки буйной непочатой силы бурлили в его крови, но выхода не было. Иногда в компании Грацианов напивался, пел песни, плясал трепака и удивлял всех чем-нибудь необыкновенным: подползал на четвереньках под теле-

гу и поднимал спиной тридцатипудовую кладь, сгибал железные ломы, завязывал в узел кочергу. Кругом ахали и одобритительно говорили:

– А-ах, ты – шарлатан!.. Чурила Пленкович!..

Он посмеивался и добродушно соглашался: – Што-ж, – шарлатан и есть!..

* * *

Весна в тот год пришла неожиданно. Уже в конце февраля заголубели нежно и золотисто дали, жаркое солнце стало жадно пить снег в полях. А ко дню сорока мучеников, когда в каждой избе матери пекут для ребятишек ржаных глазастых жаворонков, обмякли вербы и засеребрились атласно-пушистыми почками.

Грацианов только что вернулся с работы, – ездил на хутор к роженице. С алчностью голодного уставшего человека он торопливо обедал. Староста из барской усадьбы сидел напротив него и молча смотрел, как он с треском перехрустывал на крепких зубах твердое, жилистое мясо.

В комнате было душно от жарко-натопленной печи, пахло аптекой, щами и пеленками.

Дождавшись, когда фельдшер проглотил последний кусок и вытер полотенцем усы, староста крикнул и сказал:

– Што-ж, Миколай Васильич, – пойдеша в усадьбу, аль нет?.. Жеребенка посмотреть!..

Фельдшер мешкотно полез в карманы за папиросами.

– Подожди вот, – дай покурить!..

– Не подох-бы жеребенок-то!.. – тревожно продолжал староста. – Сам знаешь, заводский, с аттестатом!.. Четыре радужных платили...

– Подождет, – не подохнет!.. – равнодушно заметил Грацианов. – Придешь домой, закатай ему глауберовой соли... Чего ж вы ветеринара не позвали?..

– Куда по такому пути за ветеринаром ехать?.. – сказал староста... – Еще застрянешь где в овражках!..

– Непременно застрянешь!.. – подтвердил Грацианов и посмотрел в окно.

По обочинам обтаявшей бурой дороги сверкали лужи воды. Улица пестрела в желтых и лиловых весенних пятнах. Чумазые ребяташки, засидевшиеся зимой в угарных избах, радостно гомонили и прудили по канавкам. Древний, ни на что не пригодный дед, в высокой заячьей шапке и коротком рваном полушубке, копошился с грабельками в руках и отгребал от избы парный теплый навоз.

Жена Грацианова Маша, худая и беловолосая, в ситцевой расстёгнутой кофте, сидела на сундуке и кормила грудью годовалого ребенка. Другой ребенок, тоже годовалый, близнец, спал в домодельной плетеной из ивовых прутьев корзине.

Грацианов повернулся к жене и, с намерением переменить разговор, сказал полусерьезно, полусхотливо:

– Маша!.. Которого это ты кормишь, – Ваньку или Петь-

ку?..

– Ваньку!.. – ответила она и прикрыла концом кофты обнаженную грудь.

Староста ухмыльнулся.

– Чу-у-дно!.. Как же ты, отец, детей своих не знаешь?..

– Да вот, дьявол ее забодай, – съягнула мне двух одинаковых!.. – засмеялся Грацианов, и его широкое, темное лицо, густо покрытое волосами, как лесной порослью, задвигалось. – Досуг мне разбираться, – рвут на все части, ни сроку, ни отдыху!.. Только и различаю по завязкам у сосок: черная – Ванька, белая – Петька...

– Ты бы пометил их, что ли, как овец... Уши резать!.. – пошутил староста.

– И то!.. – согласился Грацианов. – Да вот беда, – драть не за что будет... Нешто выкрасить обоих, – одного в красный, другого в желтый цвет?.. Маша, в какой лучше, – в красный или желтый?..

– Будет тебе пустое мелить!.. – обиделась жена Грацианова. – Совсем они непохожи друг на друга... У Пети и лоб большой!..

– Большой – значит – способный будет... Петька, – подрастешь, на доктора выучишься?.. Выучишься, подлец?.. А?..

– Да не Петька это, а Ванька...

– Ну, Ванька, так Ванька!.. – Простодушно согласился Грацианов. – Угораздило же тебя двойню принести, – вот и

путайся с ними... Да что, – обратился он к старосте. – Теперь вот снова затяжелела, не иначе, как тройню от неё жду... Ей-Богу!.. Тройню, а то сразу четырех, – вот как недавно в газетах писали...

Жена его застыдилась и покраснела. Староста стеснительно зашевелился и крякнул:

– Силищи в тебе, Миколай Васильич, непочатый край!.. Тут не в ей, а в тебе причина... Однако, мне пора иттить!..

Он поднялся со стула.

– Как же, Васильич, придешь жеребенка посмотреть?.. Приходи вечером, у меня кстати щи с головизной, – знатные щи!.. Вместе поснедаем...

– Вот уж не знаю! – с неохотой ответил Грацианов и устало зевнул. – Подожди, сперва сосну после обеда, а там посмотрию... Соснуть обязательно надо, – всю ночь с бабой на хуторе провозился... Младенца принимал! А завтра надо опять роженицу проведать... Ведь, наше мужичье какое?.. Чего доброго, потащат роженицу в баню, как летось в Порзовке, а она и окочурится!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.